

УДК 398.22(=161.1) (571.56)

О. И. Чарина

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЭПИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЯКУТИИ

В статье рассматриваются особенности бытования русского эпического фольклора, зафиксированного на Колыме в Якутии. Для анализа используются варианты текстов, собранных Д. И. Меликовым в 1893 г.; В. Г. Богоразом в 1894 г.; а также – материалы, опубликованные в сборниках «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», «Фольклор Русского Устья» [4, 6]. Для примера рассматривается былина о Добрыне Никитиче и Змее. Выясняется, что уже записи вариантов XIX в. разнятся. Так, в меликовском варианте Змей мужского рода, в варианте Богораза Змеинища – женского рода. Происходит замена мотивов, например, когда вместо мотива «жары меженные» появляются в «жары крестовские».

Совершенно очевидно, что былины Колымы имеют непосредственную связь с произведениями фольклора, бытовавшими на Русском Севере Европейской части России. Эти произведения фольклора отличаются региональное своеобразие, так как они имеют отличие от вариантов былины, зафиксированных на Индигирке, о чем говорит Л. Н. Скрыбыкина [8].

Постепенно эпический фольклор был утрачен. Об этом свидетельствуют записи фольклора в 1982 г., когда часть вариантов приводились в прозе, отсутствовал ряд образов, мотивов, концовка произведения.

Автор ссылается на ряд своих работ по данной тематике. Влияние якутского языка в былинах не проявилось, хотя оно заметно в исторических песнях.

Ключевые слова: русский фольклор, экспедиционные материалы, якутское влияние, особенности, былины, варианты текстов, сюжет, мотив, образы, исторические песни.

О. I. Charina

Peculiarities of the Russian epic folklore in the North-Eastern Yakutia

The article shows features of existing Russian epic folklore recorded in Kolyma in Yakutia. Versions of the texts collected by D. I. Melikov in 1893, V. G. Bogoraz (in 1894) and also the materials published in collections “The Russian epic poetry of Siberia and the Far East”, “Folklore of the Russian Mouth” are used in the analysis [4, 6]. For example, the bylina about Dobrynya Nikitich and the Snake is reviewed. It becomes clear that versions of the XIX century differ. So in Melikovsky’s version the Snake is male, in Bogoraz Zmeinishcha’s version – female. There is a replacement of motives, for example, when instead of motive “heats low-flow” appear in “heats krestovskiy”.

It is obvious that bylinas of Kolyma have direct connection with the works of folklore typical for the Russian North of the European part of Russia. These works of folklore are distinguished by regional originality as they have difference from the versions of the bylina recorded on Indigirka according to L. N. Skrybykina [8].

Gradually epic folklore was lost. Records of folklore in 1982 when parts of versions were given in prose prove that. Number of images, motives and ending of works were missing.

The author refers to a number of his works on this subject. Influence of the Yakut language wasn’t shown in the bylinas though it is noticeable in historical songs.

Keywords: Russian folklore, field materials, Yakut influence, features, bylinas, text variations, plot, motive, images, historical songs.

ЧАРИНА Ольга Иосифовна – к. филол. н., с. н. с. сектора якутского фольклора, доцент ИГИ и ПМНС СО РАН.

E-mail: ochar@list.ru

CHARINA Olga Iosifovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Department of Yakut folklore, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch.

E-mail: ochar@list.ru

Введение

Русские начали селиться в Якутии с XVII века. В устье реки Индигирки русские пришли с Европейского Севера. Фольклор русских старожилов представляет особую часть русского фольклорного наследия. В Походск переселенцы пришли в связи с основанием г. Нижнеколымска и созданием мест сбора ясака среди местного населения.

Одни из последних экспедиций Института гуманитарных исследований ЯНЦ состоялись в 2001, 2005, 2013 гг. силами сотрудников института. Материалы этих экспедиций показывают, что устное народное творчество русских старожилов своеобразно, связано с характером связей русских старожилов с аборигенным населением. Фольклор русских старожилов низовьев реки Индигирки и Колымы долгое время бытовал в отрыве от материнского фольклора, не имел открытых связей с фольклором автохтонных народов. Но со временем фольклор русскоустыинцев и походчан утрачивает те старинные жанры (былины, исторические песни), которыми он ранее располагал.

При выявлении имен собирателей особенно важны два: В. Г. Богораза и Д. И. Меликова. Оба записывали фольклор на Колыме в рамках Сибиряковской экспедиции. Меликов – в 1893 г. [1]. Записанные им былины и песни опубликованы в 2013 г. в сборнике «Из истории русской фольклористики» [2]. На основе данных публикаций рассматриваются связи русского фольклора Заонежья, Поморья – в широком смысле слова, и устного народного творчества старожилов рек Индигирки и Колымы [3].

В. Г. Богораз, как пишет Ю. И. Смирнов, едва попав на Колыму, «в 1895-1896 гг. объехал почти все поселения, где, между прочим, занимался собиранием фольклора и лексики колымчан» [4]. Богоразом записано более 150-и произведений фольклора разных жанров: 19 былин, балладных и исторических песен, из них – 5 былин [5].

Большую часть репертуара индигирцев в середине XX в. записали Н. А. Габышев и Н. М. Алексеев, а Ю. И. Смирнов насчитал всего 121 запись 37 эпических сюжетов [4]. В сборнике «Фольклор Русского Устья» приведено 648 произведений фольклора, из них былин – 25, исторических песен – 23, балладных песни – 23 [6]. В фольклоре нижнеколымчан – 21 произведение фольклора в 27 записях [4].

Так, Ю. И. Смирнов, подробно рассматривая эпическую традицию р. Индигирки пишет: «В ряде случаев путем сравнения индигирских текстов с родственными формами, бытовавшими в европейской части страны, удается определить происхождение занесенных на Индигирку или сформировавшихся там версий эпических текстов. Так, к локальным традициям восточной части Русского Севера, очевидно, восходят былины «Добрыня и змей» (№ 13-16) <...> Форм, сходных с текстами локальных традиций западной части Русского Севера, на Индигирке не найдено». Относительно связей репертуара эпического фольклора Колымы и Русского Севера он также сообщает, что туда был занесен ряд былин и исторических песен [4].

А в работе Ю. А. Новикова, который также изучает русские былины, читаем строки об отражении местного колорита в индигирских вариантах былин: «О снеге говорится также в двух записях из Русского Устья (Алеша Попович молится, чтобы нанесло «тучу грозную, с тема белыми снегами <...> дождями со мокрыми» и подмочило перед боем бумажные крылья Тугарина – *ПУ*, 100, 101» [7].

Анализ особенностей бытования русского фольклора на северо-востоке Якутии на примере былины о Добрыне и Змее

В данном случае мы рассматриваем в основном колымские и индигирские записи былин в их динамике на примере былины о Добрыне и Змее.

История фиксации вариантов былины

На Колыме записи былины проводились только в XIX в. В ряду других произведений, которые мы анализировали, данная былина характеризуется меньшими особенностями, связывающими их с влиянием местного, аборигенного фольклора. Былина «Добрыня Никитич» зафиксирована Колыме и Индигирке, приводятся варианты в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» [4]. В. Г. Богораз зафиксировал только одну версию и от М. Соковикова и М. Кривогорницына, создав контаминацию, которая имеет большее количество стихов – 70. Д. И. Меликов записал от неизвестного лица, в этом варианте – 36 стихов, в нем нет мотивов, связанных с темой борьбы со Змеем, мести Добрыни его предателям-слугам.

В этом варианте – Змей – мужского рода, здесь отсутствует концовка былины [1]. В варианте Богораза Добрыня, подстрекаемый слугами, заплывает за «третью струю», там Змеиница – женского рода, Добрыня борется с ней только при помощи «шляпы белоеловской». Вариант заканчивается эпизодом мести слугам.

В этом плане важным является тот факт, что Д. И. Меликов и В. Г. Богораз записывали в одно время, от одних и тех же исполнителей, в частности, ряд произведений – от Соковикова. В случае с Д. И. Меликовым, при всей подробности записи текстов, вызывает сожаление следующий факт: у него не указаны фамилии и возраст исполнителей.

«Былина про богатыря Добрыню Никитича»:
Оставалось у Никиты все житье-бытье,
Ну. Житье-бытье осталось и имение.
Имение осталось, мало детище
По имени Добрынюшко Никитьевич.
Как стал Добрынюшко на возрасте,
Тут не белая береза к земле кланяется,
Не шелковая трава в поле устилается,
Кланяется родной сын перед матерью [1].

Получается, Д. И. Меликов записал былинку на год раньше В. Г. Богораза, но не известно, от кого эта запись была произведена.

Приведем пример записи В. Г. Богораза:
Оставалось у Микиты все житье-бытье,
Все житье-бытье, осталось имение,
Все имение осталось малу детищу
Да по имени Добрынюшке Микитовичу.
Да не белая береза (к) земле клонится,
И не шелковая трава в поле устилается,
Еще клонится родной сын перед матерью.

Как известно из пояснений Ю. И. Смирнова, «текст М. Соковикова собиратель неправильно дополнил вставками (они помечены квадратными скобками) из стихов, сообщенных ему другим лицом – Митрофаном Кривогорницким» [4]. Отсюда можно предположить, что, возможно, вариант Д. И. Меликова записан как раз от М. Кривогорницкого.

Следующие записи былины производились уже в XX в. Помимо нескольких примеров бытования былины в стихотворном виде, уже существовали былины в прозе. Вот пример Ю. И. Смирнова 1982 г.:

Жил у Михайлушко на Почан на реки,
У этого Михайлушки мало было лет, двенадцать лет, говорили.
И захотелось к нему по полю погулять [4].

Как видим, последние записи бытования былин были произведены в Русском Устье, эпические произведения воспроизводили принужденно, исполнители не всегда имели четкое представление о сюжете былины.

Региональные особенности в зачине былины о бое Добрыни Никитича и Змея

Л. Н. Скрыбыкина, которая опиралась на те же варианты былины, что и Ю. И. Смирнов, рассматривала особенности былинной традиции на северо-востоке Сибири, пишет: «Можно предположить, что на Кольму и Анадырь былина «Добрыня и змей» попала из общего источника. Таким источником был исполнитель не с Индигирки, а из Европейской России, знавшей именно ту редакцию былины, которая сохранилась к рубежу XIX и XX вв. в полуразрушенном состоянии только на Кулое» [8].

Тут не белая береза к земле кланяется,
Не шелковая трава в поле устилается,
Кланяется родной сын перед матерью:
«Дай мне, матушка, благословение,
Ну, пойду я стрелять гусей-лебедей,
Перелетных серых уток.

В примере № 9 есть стихи:

Не ясен сокол в перелет летал,

Не белый кречет перепархивал [4].

Далее речь идет об отце Добрыни, Никите Романовиче.

Запись Богораза:

Да не белая бероза (к) земле клонится,

И не шелковая трава в поле устилается,

Еще клонится родной сын перед матерью:

- Еще дай ты мне, матушка, благословение

Идти мне стрелять гусей-лебедей [4].

Как видим, мы имеем несколько вариантов с использованием приема отрицательного параллелизма, причем, варианты приведены исключительно колымские, записанные примерно в одно время. В зачинах индигирских вариантов былины нет приема отрицательного параллелизма, Добрыня просто подходит к матери [9].

Рассмотрим основные мотивы былины

Обращает на себя внимание такой мотив, где «захватят тебя жары крестовские, Еще те же солнцепеки меженные» – меликовский. «Ну захватят тебя зори петровския, Еще те солнцепеки меженные» – богоразовский. Более нам не встретились «крестовские солнцепеки» [1], в основном встречается образ «солнцепеков петровских», например: «жары летние и петровские» [4], «жары петровские, солнцепеки мезенские» [4], «жары петровские, солнцепеки меженские» [4], «зори петровския, солнцепеки меженные» [4]. Изымут тебя жары петровския, солнцепеки меженные [4]. При этом следует отметить, что № № 13-19 – тексты былины, записанные на Колыме и Индигирке, тяготеющие к указанию о «жаре петровской, солнцепеках меженных (мезенских)». Возможно, «крестовские» образовалось от нечетко произнесенного слова «петровские».

Следующий эпизод: вызывает интерес тот факт, что слуги оказываются подстрекателями заплыва за «третью струю». В индигирских вариантах Добрыню также подстрекают переплыть «три паробка» [4], «три слуги верные, неизменные» [4].

В двух случаях Добрыня сам решает, что необходимо плыть далее: «Как не честь моя, молодецкая, Как не выслуга богатырская! Попробую заплывать за тречью струю» [4], «– Ай, говорит третья-то струя бистрым она бистра, Не честь моя. Не выслуга богатырская!» [4]. В том варианте, который записал В. И. Богораз, так же, как в меликовском, Добрыня заплывает «на третью струю» под подстрекательство слуг.

Нельзя не отметить, что в индигирских вариантах нет указания на «камушек Алатырь», что также говорит о привнесении меликовского варианта на Колыму не из того источника, откуда привнесены варианты произведения, которые исполнялись на Индигирке.

Судя по записи Меликова, концовка былины отсутствует, что указывает на то, что она (былина), видимо, уже в конце XIX в. утрачивалась:

Понесло его ко камушку ко Ятырю,

Ко тому ко Змеиньшу-Горыньшу [1].

Как отмечает Ю. А. Новиков: «Прославила Добрыню прежде всего его победа над змеем на Почай-реке, былина об этом бое – одна из самых популярных в русском эпосе, для исследователей же это один из самых загадочных сюжетов. <...> Ясно одно: сюжеты змееборчества уходят корнями в глубочайшую древность и прочесть их можно, лишь разобравшись в мифологии наших предков. «Змеи» русских былин – это враги (зачастую степные), похитители женщин; они крылаты, огненны и вместе с тем связаны с водной (речной) стихией. «Степная» природа змеев объясняется довольно убедительно через сопоставление с преданиями скифо-сарматского мира. У каждой сотни сарматских воинов, по объяснению Лукиана Самосатского (II в. н. э.), был значок – летящего змея, укрепленная на копье» [9].

Особенности концовки былины

Более полной и логичной является концовка былины, записанной Богоразом:

Распорол он у Змеинищи ту белу грудь,

[Он палил ту Змеинищу во пламьще...]

Поплывал к слугам и убил всех до одного.

Есть другая концовка, на Индигирке, где Добрыня совершив подвиг, возвращается к своей матушке с освобожденной тетушкой:

Еще здравствуй, моя ронна матушка,
Я привез свою ронну тетушку родимую [1].

Есть также концовка, где происходит диалог Добрыни и Марфы Изеславны, видимо, пленницы змеиныщи-лиходеищи: «– Как ты, – говорит, – каким тебя ветром припало сюда? Еще, – говорит, – ни один человек не доплывал сюда. – Я, – говорит, – захотел к тебе жениться» [4].

Л. Н. Скрыбыкина в свое время писала: «Прежде всего, наиболее полными по содержанию и текстуально являются варианты индигирской группы. Только здесь, в трех вариантах, есть финал былины: освобождение богатырем пленницы Змея» [8]. В целом, мы согласны с этим выводом, основанном на достаточно тщательном анализе текстов былин. Можно еще раз подчеркнуть, что варианты былины на Колыме и Индигирке разные, а это свидетельство разного происхождения вариантов на Европейском Севере.

Со временем в индигирских вариантах появились подвижки в сюжетобразующих образах – Добрыня превращается в Михайлушку Даниловича (влияние былины о Михайлушке Даниловиче и Тите Хорофонтьевиче). Две эти былины более всего вызывают чувства грусти и нежности, так как в обеих показана любовь родителей к молодым героям.

Заключение

Таким образом, можно предположить, что на Колыме бытовали достаточно старинные варианты былины о бое Добрыни со Змеем, усвоенные на Русском Севере. Колымские исполнители имели свою приверженность к разным образам и мотивам. Вместе с тем, колымские варианты былины отличаются от индигирских, усвоенных из другого источника, но также с Русского Севера России.

Былина «Бой Добрыни Никитича со Змеем», в отличие от некоторых других эпических произведений, в меньшей степени испытала влияние якутского языка и фольклора.

Литература

1. Меликов Д. И. Путевые записки в Гижигу через Колымск. 1893 // Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп.18, ед. хр. 1, л. – вкладыш; ед. хр. 2, л. 202-212.
2. Чарина О. И. Особенности поэтики былин и олонхо в творчестве русских сказителей на Колыме и Индигирке // Якутский героический эпос олонхо – Шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира. Международная научная конференция, посвященная 120-летию П. А. Ойунского. г. Якутск 18-20 июня 2013 г. – Якутск, 2014. – С. 357-364.
3. Чарина О. И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. Выпуск 8. (ИРЛИ). – Санкт-Петербург, 2013. – С. 110-114.
4. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). – Новосибирск, 1991. – 498 с.
5. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз // Сб. ОРЯС. – Спб., 1901. – Т. 86. – прил. № 4.
6. Фольклор Русского Устья / Сост. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. – Ленинград, 1986. – 384 с.
7. Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 47.
8. Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. – Новосибирск, 1995. – 364 с.
9. Былины Печоры. Свод русского фольклора. – Спб., – М., 2001. – С. 49.

References

1. Melikov D. I. Putevyje zapiski v Gizhigu cherez Kolymsk. 1893 // Arhiv JaNC SO RAN, f. 4, op.18, ed. hr. 1, l. – vkladysh; ed. hr. 2, l. 202-212.
2. Charina O. I. Osobennosti poetiki bylin i olonho v tvorchestve russkikh skazitelej na Kolyme i Indigirke // Jakutskij geroicheskiy jepos olonho – Shedevr ustnogo i nematerial'nogo nasledija chelovechestva v kontekste jeposov narodov mira. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 120-letiju P. A. Ojun'skogo. g. Jakutsk 18-20 ijunja 2013 g. – Jakutsk, 2014. – S. 357-364.
3. Charina O. I. Zapisi fol'klora, proizvedennye D. I. Melikovym v Nizhnekolym'skom krae v 1893 g. // Iz istorii russkoj fol'kloristiki. Vypusk 8. (IRLI). – Spb., 2013. – S. 110-114.

4. Russkaja jepicheskaja poezija Sibiri i Dal'nego Vostoka / Sost. Ju. I. Smirnov. (Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka). – Novosibirsk, 1991. – 498 s.
5. Bogoraz V. G. Oblastnoj slovar' kolymского русского наречия / Sobral na meste i sostavil V. G. Bogoraz // Sb. ORJaS. – Spb., 1901. – T. 86. – pril. № 4.
6. Fol'klor Russkogo Ust'ja / Sost. S. N. Azbelev, G. L. Venediktov, N. A. Gabyshev i dr. – L., 1986. – 384 s.
7. Novikov Ju. A. Skazitel' i bylinnaja tradicija. – Spb., 2000. – S. 47.
8. Skrybykina L. N. Byliny russkogo naselenija severo-vostoka Sibiri. – Novosibirsk, 1995. – 364 s.
9. Byliny Pechory. Svod russkogo fol'klora. – Spb., – M., 2001. – S. 49.

